

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)-44
К19

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Каннингем, Майкл.

К19 Избранные дни : роман / МАЙКЛ КАННИНГЕМ; пер. с англ. Д. КАРЕЛЬСКОГО. — Москва : Издательство АСТ: CORPUS, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-17-121540-8

Майкл Каннингем, автор бестселлеров “Дом на краю света”, “Плоть и кровь” и “Часы” — один из самых знаменитых прозаиков современной Америки. Именно за “Часы” — лучший американский роман 1998 года — автор удостоен Пулитцеровской премии, а одноименный фильм, снятый британским кинорежиссером Стивеном Долдри, получил премию “Оскар” и обошел киноэкраны всего мира. Следующий его роман “Избранные дни” — повествование удивительной силы. Оригинальный и смелый писатель, Каннингем соединяет в книге три разножанровые части: мистическую историю из эпохи промышленной революции, триллер о современном детском терроризме и новеллу о постапокалиптическом будущем, которые связаны местом действия (Нью-Йорк), неизменной группой персонажей (мужчина, женщина, мальчик) и пророческой фигурой американского поэта Уолта Уйтмена.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-121540-8

© 2005 by Mare Varogum Corp.
© Д. Карельский, перевод на русский язык, 2007
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2020
© ООО “Издательство АСТ”, 2020
Издательство CORPUS ®

Содержание

<i>От автора</i>	11
В машине	15
Крестовый поход детей	153
Как красота	311
<i>Слова благодарности</i>	473

*Этот роман посвящается
памяти моей матери Дороти*

Ты же, о Муза, не бойся! поистине новые дни
и пути принимают, окружают тебя,
И странные, очень странные люди,
небывалая порода людей,
Но сердца все те же и лица те же,
Люди внутри и снаружи все те же,
чувства те, порывы те же
И красота, и влюбленность те же...¹

УОЛТ УИТМЕН

1 Стихи У. Уитмена цитируются в основном в переводе К. Чуковского. (Здесь и далее — прим. перев.)

От автора

Всякий писатель, отчасти или целиком помещающий свой роман в узнаваемое место и эпоху, сталкивается с проблемой достоверности. Самое очевидное ее решение — одновременно и самое непростое. Оно заключается в абсолютно точном воспроизведении исторических событий. Сражения должны разыгрываться там же и тогда же, где и когда они в действительности были разыграны; дирижабли не могут появиться в небе хотя бы мгновением раньше, чем они были изобретены; знаменитому художнику невозможно появиться на маскараде в Новом Орлеане, если известно, что в этот конкретный вечер он принимал процедуры от подагры в Батон-Руж.

Так или иначе, строгая последовательность исторических событий имеет свойство противоречить нуждам рассказчика. От биографов и историков, может, и требуется упоминать о том, что их герой опоздал на поезд, что у него отменилась встреча или наступил период апатии; автор художественного произведения пользуется большей свободой. Романисту обычно приходится самому решать, какая доза рабской дотошности добавит живости повествованию, а какая, напротив, ей повредит. Тут открывается самый широкий спектр возможных подходов. Я знаю романистов, которые ни за что не посмеют пойти против до-

кументально подтвержденных фактов, но я также знаю — и глубоко им восхищаюсь — одного писателя, который выдумывает все, от традиций и обычаев современников Христа до основ ботаники и законов функционирования человеческого организма. На недоуменные вопросы он отвечает просто: “Это художественная литература”.

Роман “Избранные дни” помещается где-то посередине между этими двумя крайностями. В сценах из прошлого я в меру возможности стараюсь быть верным историческим реалиям. Но со стороны читателя ошибкой было бы считать мои описания буквалистски точными. Особенно свободно я обхожусь с хронологией и помещаю в один момент времени события, людей, здания и монументы, которые на самом деле могут быть разделены двадцатью, а то и больше, годами. Тому, кого интересует безусловно правдивая картина Нью-Йорка середины — конца девятнадцатого века, порекомендую книгу “Готэм”¹ Эдвина Дж. Берроуза и Майка Уолласа, которая и послужила первоначальным источником для моих вариаций.

1 *Готэм* — шутовское название Нью-Йорка.

В машине

Уолт говорил, что мертвые становятся травой, но там, где похоронили Саймона, травы не было. Вместе с прочими ирландцами он лежал на другом берегу реки, где только глина, гравий и имена на камнях. Кэтрин верила, что Саймон попал в рай. У нее был медальон с его портретом и прядью его волос.

— В раю ему самое место, — сказала она. — Он был слишком хорош для этого мира.

Она рассеянно смотрела из окна гостиной, словно ждала, что по улице на сияющей колеснице вот-вот прокатит Саймон, просветленный, красивый своей бесшабашной молочно-бледной красотой, с улыбкой помахивая рукой на радостном пути туда, где ему всегда надлежало быть.

— Ну если ты так думаешь, — отозвался Лукас.

Кэтрин коснулась медальона. Движения ее суженных к концам пальцев были очень точны. Она умела класть ими такие мелкие стежки, что и не разглядишь.